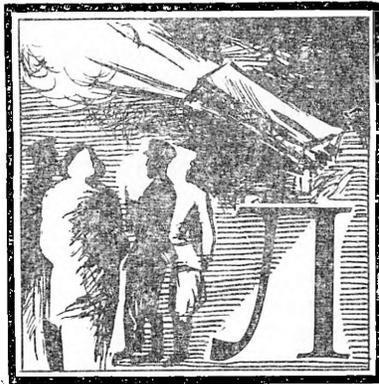

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

этом 1943 года, после взятия нашими войсками Краснодара, в местном кинотеатре публично происходил суд военного трибунала над двадцатью изменниками, служившими в фашистском гестапо. Суду этому было придано большое общественное значение, поэтому в Краснодар съехалось много журналистов из центра и близлежащих городов. Северо-Кавказский фронт также командировал группу политработников, в число которых входил и я. А. Н. Толстой прибыл из Москвы в качестве члена Правительственной комиссии. Пробыл он на Кубани, если не ошибаюсь, дней десять, в течение которых я виделся с ним очень часто. С утра мы сидели рядом в зале суда, затем на обеде у

кого-нибудь из руководителей края, потом снова в зале суда и, наконец, на квартире у Алексея Николаевича. Иногда, выкроив время, ездили за город и бродили по берегу Кубани. Разговоры при этом были какие-то особенно «вкусные», а влечение к ним неутолимое.

По Ленинграду и Москве я помнил Толстого большим шутником, любившим соленое словцо. Теперь он шутил редко. Принесли ему как-то фотоснимок, на котором он схвачен в очень задумчивой и чуть ли не томной позе. Алексей Николаевич поглядел и сказал почему-то в нос: «А граф был дьявольски хорош!» Но это, пожалуй, единственная шутка, которую я от него слышал в Краснодаре. Основным нервом во всех его разговорах было какое-то ненасытное любопытство к внутреннему облику русского человека.

— Мы думаем, будто знаем русский народ. Ничуть не бывало! Только сейчас он по-настоящему раскрывается. Русский народ — это человек непостижимых возможностей. Немыслимо даже вообразить, на что он способен, если дать ему развитие!

В этой связи неоднократно возвращался он к воспоминаниям о Максиме Горьком.

— Алексей Максимович любил говорить, что наше время — это эпоха пробуждения в народе чувства собственного достоинства. До войны я не понимал глубины этой мысли. Достоинство — это казалось мне чем-то вроде «не тронь меня, а не то...». Но сейчас, мне кажется, я все понял. Какими угодно экономическими и политическими причинами объясняйте неслыханную стойкость русского народа в этой войне, но для меня ясно, что не последнюю роль здесь сыграло именно чувство в нем достоинства, подчеркнутого отрицательным примером немецкого народа, уронившего себя в фашизме.

— Не слишком ли утонченное объяснение, Алексей Николаевич?

— Ладно, ладно. Прорабатывайте. Я знаю свое. А кстати сказать, народ в тысячу раз тоньше, чем это себе представляет интеллигенция, в том числе и мы с вами.

— Я думаю, что сейчас уже нельзя нам с вами говорить о народе — «мы» и «они», Алексей Николаевич. Теперь в нашей стране есть только «мы» — народ.

— Значит, и я народ?

- И вы народ.
- Это вы говорите с полной ответственностью? Как коммунист или как Илья Сельвинский?
- Для меня эти два понятия неразделимы.
- Я народ? Ну что ж. Спасибо. Заманчиво. Очень заманчиво. Но, боюсь, рановато.
- Это вы в отношении себя?
- В отношении всех, имевших в свое время счастливую возможность быть воспитанным на классиках, от которых народ был оторван.
- Значит, и Ленин не народ?
- Толстой засмеялся:
- Нет, Ленин — сам народ. Да еще какой! С историей, с чудесным бытом, с изумительным грядущим!
- О партии говорил он много и часто.
- Как замечательно вентилируются на войне мысли. Взять хотя бы тему партии. Я всегда воспринимал партию то как философскую идею, то как часть советской повседневности. И только сейчас увидел, какая это чудодейственная сила и как было бы всем нам страшно жить на белом свете, если б в России не было большевиков.
- Но больше всего говорили, конечно, о литературе. Алексей Николаевич при всем своем добродушии всегда очень раздражался, когда вспоминал о тех писателях, которые проходили в творчестве мимо истории России.
- Кто лишен интереса к прошлому своего народа, у того нет родины. Особенно важно заниматься историей сейчас. Как понять, почему русский оказался знаменосцем великого всечеловеческого гуманизма, а немец — носителем идеи порабощения? Кто нам ответит на это, если не история? Да и что такое сам марксизм, если не исторический подход к центральным линиям, по которым развивается человеческое общество? Один ваш коллега называл меня «Чичиков» за мою любовь к «мертвым душам». Ха!
- Кто этот коллега?
- Неважно кто.
- Догадываюсь: это, наверное, Маяковский?
- Хотя бы. Мечтать о грядущем, не размышляя о прошлом, — не очень великая заслуга перед мышлением.
- В поэме «Ленин» есть и прошлое: история развития капитала.

— Тем более. Значит, не о мертвых душах идет речь. Как видите, даже футурист не мог обойтись без плюсквам-перфектума. Нет, литература не в состоянии жить одним сегодняшним днем. Да и облик этого сегодняшнего дня нельзя схватить без учета его подготовки вчерашним. Удивительно! Учат нас диалектике, а сами пытаются резать время по кусочкам, точно колбасу.

Зная, что я пишу пьесу об Иване Грозном, Толстой заранее условился, что на эту тему у нас разговора не будет: «Не хочешь, а украдешь. Я ли у вас, вы ли у меня. И вообще это мешает». Но охотно говорил о Петре Первом и даже советовал мне написать о нем трагедию.

— Это знаете какая личность? После того как я написал первую часть, я понял, что Петр — это стихия. (Только никому не говорите.)

В другой раз он сказал:

— Петр — настоящий мужик. Ведь он был незаконным сыном патриарха Никона, а тот-то уж подлинный мужик. Да и воспитание у Петра мужицкое, не то что у деда и отца, не духовное. О Петре в детстве как бы забыли. Тогда не до него было — за регентство боролись. Зато ж напомнил он им о себе впоследствии. Вот и надо писать его гениальным русским мужиком-самоучкой. В сущности, тот же Левша! Тот блоху подковал, а этот — Россию, — и он густо захохотал, как смеялся обычно, когда шутка или острота казалась ему удачной.

— Исторический материал о каком-либо персонаже нужно собирать осторожно: до тех пор, пока не начинает тошнить. Тогда немедленно бросайте — оставьте себе местечко для догадок. Если вы будете знать о герое все до самой подноготной, значит, он получится у вас книжным. И это понятно: какому художнику интересно работать над цитатами? А такой герой — ходячая цитата. Другое дело, если он уравнение с какими-то неизвестными. Решая эти иксы, вы мыслите его мыслями, двигаетесь его движениями, целуете его поцелуями.

— А если от этих догадок он получится неверным?

— Не может получиться. Ведь вы же за него думаете, — значит, человек-то из него получится обязательно, а что нос будет с горбинкой, на это наплевать. Главное — передать правильно дух времени. Он подправит всякую горбинку.

О языке я с ним спорил буквально на каждом шагу. Алексей Николаевич доказывал, что Лев Толстой затевал периоды, из которых не умел выпутаться.

— Помните у Бунина в воспоминаниях есть гимназист, который о море написал: «Море было большое». Чехов говорил, что это прелесть. Действительно, вот как надо писать! А мы мучаем бедного читателя всякими метафорами да эпитетами.

Я доказывал, что у Льва Толстого в его «ошибках» против синтаксиса — своя очень продуманная система речевых характеристик, дающаяся, однако, не от действующего лица, а от автора, и что если исходить в литературе из принципа «большого моря», то надо выбросить в это море «Песнь песней», античную лирику, великих персов, всего Маяковского.

Алексей Николаевич обычно заканчивал беседу примиряюще: «Что поэту здорово, то прозаику смерть. У вас так, а у нас эдак». Спорить он не любил. Но не потому, что считал свои мысли неоспоримыми, а потому, что не верил в теорию.

— Товарищ Чичиков! — говорил я ему. — Почему вы не спорите со мной? Ведь я самым явным образом обижаю ваши любимые идеи. Защищайтесь.

— Еще и защищаться... — лениво тянул Толстой. — Нет уж. Сдаюсь. Вы будете правы в теории, а я постараюсь на практике.

Однако, несмотря на свою приверженность к практике, у Толстого были удивительно меткие и чрезвычайно полезные теоретические находки. Однажды он сказал:

— Помните, как начинается «Борис Годунов»?

Наряжены мы вместе город ведать,
Но, кажется, нам не за кем смотреть:
Москва, пуста...

Черт подери! До чего величаво! Я всегда воспринимаю эту тираду как врата во храм, именуемый «Трагедия».

Потом помолчал и, нарушая уговор, спросил:

— А как начинается ваша трагедия о Грозном?

Я засмеялся:

— Вот уж совсем не величаво.

— А все же?

Я процитировал: «Баранина-то с карасями — где?»

Толстой остановился, поглядел мне в глаза и произнес тихо, но с громадной силой:

— Как выразительно! Вы чувствуете за этими словами *жест*?

И тут он развил мне свою теорию жеста. По мнению Алексея Николаевича, мысль человека сначала проявлялась в жестикеляции и только впоследствии обрела слово. С течением времени, по мере развития культуры, речь вытеснила физические движения, изображавшие чувства, и у цивилизованных народов, особенно у высших классов, жест начал атрофироваться. Исчез он также из литературы. Фраза стала выражать главным образом мысль. Тип и даже личное в нем писатель передает путем социального колорита. Предполагается, что это и есть портрет. Но этого недостаточно. Необходимо вернуть фразе жест! Если это достигнуто, образ сразу приобретает жизнь. Сравните в этом отношении записки так называемых «бывалых людей» с обработкой этих записок профессиональными литераторами. Основная забота правщика — убить в записках именно жест. Тем самым они убивают и душу фразы, уничтожая то живое, что коряво и неумело, но всегда бережно передается «бывалыми».

Эта теория Толстого имеет и свою слабую сторону: если жест атрофирован у культурного слоя цивилизованного общества, то как же восстановить его в искусстве при изображении этого слоя? Но теория эта все же очень помогает, когда работаешь над характером и не думаешь о теории.

Таких теоретических блесков, спорных, но исключительно полезных при работе за письменным столом, у Алексея Николаевича было немало.

Во время чтения вердикта по делу об изменниках мы с Алексеем Николаевичем снова сидели на своих местах. Девять человек были приговорены к повешению, трое — в исправительно-трудовые лагеря. И тут-то случилось самое удивительное: в обморок упали именно те три человека, которые избежали смерти.

Толстой поглядел на меня потрясенно и сказал:

— Никогда бы не подумал! Боже мой, до какой степени мы никуда не годимся со своим знанием людей. Никогда бы не подумал! А вы?